

Послезавтра Русского мира

1. Первое, что представляется мне после прочтения темы нашего собрания это мужики на крымском пляже, которые обзеревают тылы. Дамские, конечно, поскольку в государстве-цивилизации Россия мужики должны именно дамские тылы обзирать, в смысле, что никакие другие не должны. И это правильно. Ну а если с этими тылами поработала пластическая хирургия, то их вполне можно назвать «культурными».

Второй образ, который, скорее всего, ближе к замыслу авторов названия — это Ташкентская (а заодно и Алма-Атинская) киностудия времён Великой Отечественной войны, тоже ведь «культурный тыл», которым было уничтожено больше немецко-фашистских дивизий, чем на всех остальных фронтах вместе взятых. Виртуальных дивизий. Виртуально уничтожены. Это всё из оперы под названием «Музы не молчали». Не сказать, что сейчас они замолчали, но как-то ничего подобного фильмам «Два бойца» или «Парень из нашего города» не появляется. Всё что сотворено в рамках культурного официоза по поводу Крымской весны, не говоря уже о войне на Донбассе, отдаёт казёнщиной, выглядит ходульно и плоско. Уж не знаю почему. Не моя эта тема.

Но поскольку по правилам Ливадийского клуба здесь все говорят о своём, не обращая внимания на заявленную тему, не буду ломать традицию. Впрочем, речь пойдёт о тыле Русского мира и в каком-то смысле даже культурном.

2. Речь о самой малоосвоенной части нашего пространства — Дальнем Востоке. Автор теории Новороссии, прогнозы которого подтверждаются сейчас буквально каждый день, Евгений Филиппович Морозов, говоря о России, замечал, что она делится на три сопоставимые по масштабам части: европейскую, которая является промышленной базой страны, Западную Сибирь, используемую нами в основном как база сырьевая и Дальний Восток — кладёз неразработанных ресурсов, данных нам на будущее. Вот на то самое послезавтра.

Морозов, утверждавший ещё в середине 90-х гг. прошлого века, что Россию ждёт эпоха культурно-исторического доминирования новороссов, заглядывал и в более дальнюю перспективу, где видел уже будущий субэтнос Русского народа — дальневосточников — время которого наступит где-то за горизонтом нашего прогнозирования, но формирование которого уже началось.

3. Что подтверждает эту гипотезу? Да практически всё.

Скажем, пресловутое глобальное потепление. Далеко не все специалисты разделяют эту версию климатической эволюции планеты. Точнее, многие специалисты как раз сомневаются в её достоверности. Но какие-то локальные и даже региональные процессы повышения атмосферной температуры, скорее всего, имеют место. В том числе и в арктической зоне. Так или иначе, но очевидно, что степень проходимости Северного морского пути существенно возросла.

В июне 2023 года премьер-министр России Мишустин сообщил, что в развитие Северного морского пути в ближайшие 13 лет будет вложено около 2 трлн рублей, включая 600 млрд. — из федерального бюджета. Сюда входит строительство 50 ледоколов и судов ледового класса, портов, и создание орбитальной

группировки спутников с запуском систем мониторинга погоды. Это вполне реальные инвестиции в ту реальность, которая наступит послезавтра.

Следующий фактор — необходимый (вынужденный) геостратегический разворот России на восток. Путь на запад нам забаррикадировали пресловутые «партнёры».

Разворот на восток требует развития той сырьевой базы, которая находится ближе к новым рынкам сбыта, чем традиционная, ориентированная на Европу.

Всё это приближает Россию к новым центрам мирового производства, деловой активности и мировых финансов, а они расположены вовсе не в Европе, и даже не в Америке. По крайней мере, не на её Атлантическом побережье.

Одним словом, всё поворачивает нас лицом к Дальнему Востоку.

4. Планы поворота на восток не новы. Можно вспомнить и набившую оскомину фразу Ломоносова о Сибири, и разработки Менделеева на эту же тему. Были и реальные проекты, та же Столыпинская реформа, строительство серии ГЭС (чем дальше в лес, тем больше ГЭС), и нефтегазовый бум, и комсомольские стройки (от Комсомольска до БАМа). Но пионерами освоения этих мест были, конечно казаки-первопроходцы, с любовью описанные классиком отечественной геополитики А.Е. Вандамом.

Вандам дал и очерк несостоявшихся проектов, срыв которых не позволил России утвердиться в Маньчжурии и превратить северный сектор Тихого океана в такое «Русское озеро». Заделы по обоим проектам были немалые, но в фокусе русской политики они тогда не оказались: Дальний Восток, переходящий в Дальний Запад, являлся тогда русским тылом. Не пора ли сделать его русским авангардом?

Не в духе, конечно, одного известного современного политолога, предложившего заселить Сибирь «индусами» (так у него). Это как-то напомнило фрагмент известной советской комедии «Гараж», где один персонаж — псевдоучёный — выводил породу морозоустойчивых обезьян, для того, чтобы они в Сибири собирали кедровые орехи. Я с уважением отношусь к индийцам, в том числе и к исповедующим индуизм (тем самым индусам), но Сибирь и Дальний Восток предлагаю оставить для русских. Да и не смогут там жить в больших масштабах ни индийцы, ни те же китайцы: проверено тысячелетиями.

5. Освоение (культурное) Дальнего Востока, превращение его из тыла (культурного) в авангард Русского мира вопрос не завтрашнего дня. Это задача для наших внуков и правнуков. Впрочем, говорят, что время ускоряется. И гражданская война в Новороссии может рассматриваться как арьергардные бои, навязанные нам геополитическими противниками для того, чтобы лишить нас возможности стратегического манёвра — поворота на восток.

У этого поворота есть и ещё одна, не очевидная, перспектива. О чём-то подобном мечтал Пётр I, предпринявший титанические усилия по смене российского геополитического пола. Пётр просто не читал Александра Дугина, иначе бы знал, что есть морские державы (талассократии), а есть сухопутные — теллурукратии. И это — геополитические константы. Но мне ближе, как ни странно, подход Петра I, а не Дугина. Дело в том, что для него геополитика — это борьба морской и сухопутной держав, для меня же геополитика - это дисциплина о

политических свойствах пространства. А оно меняется. Меняется и конфигурация государств. Вместе с ней — и их геополитические характеристики.

Так, скажем, талассократией США стали только после прорытия Панамского канала. Чтобы убедиться, что было не всегда так — достаточно посмотреть американские вестерны: прерии, ковбои, бизоны, те же старатели и фермеры. Что тут от талассократии?

Да и классическая талассократия — Британия — становится на большую воду только после того, как теряет последние владения во Франции, а случилось это в XVI веке.

6. Для России петровских усилий оказалось недостаточно. Несмотря на напор царя-плотника, который подпитывал грандиозные предприятия, значительно пережившие их вдохновителя. Так, его сподвижник Витус Беринг, уже после смерти Петра сумел добиться организации Великой Северной экспедиции, в ходе которой проводились изыскания возможности стать России на большую воду по всему будущему Северному морскому пути, была открыта Русская Америка и сделан черновой набросок освоения Сибири. На американском треке усилия Беринга были продолжены создателями и техническими руководителями Российско-Американской компании, такими как Шелихов и Баранов. Последний мечтал о создании российской военно-морской базы на Гавайских островах. И был близок к осуществлению своего замысла.

Сейчас, когда Севморпуть превращается из «дороги жизни», специализирующейся на пресловутом северном завозе, в торговую магистраль глобального масштаба и значения, это по-новому раскрывает достижения Беринга и Чирикова, организационные усилия Шелихова и Баранова.

Одними словом, если дальневосточникам суждено сформироваться в субэтническую общность, то она обязательно будет мореходной. А это открывает для всего Русского мира совершенно новые возможности для дальнейшей пространственной экспансии.

Да, при этом мы станем в полном смысле соседями США. Залог наших хороших отношений с ними Х. Маккиндер 80 лет назад видел в том, что мы нигде не соприкасаемся, а в месте, где сходятся наши границы, расположен буфер, который он называл «Леналенд». Собственно, это наш Дальний Восток и есть. В перспективе же — вполне можем соприкоснуться по-настоящему. Тогда и появится у транспортного перехода через Берингов пролив реальная перспектива, а не только пропагандистская. Тесное соседство с США — обстоятельство не из приятных. Но при этом мы сможем широко выйти на самые богатые и перспективные рынки планеты, оказаться в эпицентре контактов восходящих цивилизаций, где будут решаться дальнейшие судьбы человечества.

7. Мы, новороссы, не только прикрываем тыл этому формирующемуся цивилизационному авангарду. Мы (точнее, наши потомки), по многим причинам примем активное участие в её формировании. Поскольку морское начало нам не чуждо, да и социальная активность, та самая пресловутая пассионарность, нам присуща в большей степени, чем другим русским субэтносам. Но — сначала нам надо завершить гражданскую войну. Естественно — на наших условиях, безусловной победой той части Новороссии, которая сражается а Русский мир.

Мы в этой Победе не сомневаемся. Для нас она жизненно необходима. И мы будем на неё работать по мере сил и компетенций.